

Валерий ШАРАПОВ

Холодный клинок

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Холодный клинок / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Советская милиция. Эпоха порядка).

ISBN 978-5-04-243595-9

Середина семидесятых. В подъезде жилого дома задумана пожилая женщина. Одинокая пьяница, она не имела врагов, поэтому милиция поспешила закрыть дело как бесперспективное. Спустя месяц в подвале обнаружен зверски убитый мужчина с множественными ножевыми ранениями. А чуть позже в своей квартире найдена зарезанной еще одна женщина. Следствие поручено капитану МУРа Илье Барышникову. Способы двух последних убийств схожи: на телах жертв замечены отпечатки военной пряжки, а раны нанесены клинком, похожим на морской кортик. Но по какому принципу выбраны жертвы? Капитан Барышников начинает изучать биографии погибших, еще не зная, какое потрясение его ждет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-243595-9

© Шарапов В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Человек — существо неоднозначное, противоречивое и в большинстве случаев непредсказуемое. А почему? Да потому что человек сам не знает, чего хочет! Взять, к примеру, собак: вот у них все просто. Бросили в миску косточку — пес сыт и доволен; вывели на прогулку — бежит и радуется; за ухом почесали — щенячий восторг; а уж если мяч презентовали — тут полный экстаз! Простые, понятные сердцу любого четвероногого друга радости. А что же человек? Почему он не может радоваться простым вещам? Казалось бы, все элементарно: свежий воздух, любимая работа, верные друзья, крепкая семья... — живи да радуйся!

Но нет, человек постоянно придумывает себе сложности. Есть работа — он мечтает о безделье, есть дети — беспокоится о том, сумеет ли вывести их в люди, воспитать достойными членами общества. Нет детей — переживает, будет

ли кому в старости стакан воды поднести. Есть жена — терзается мыслью, не наставит ли она ему рога. Нет жены — изводит себя мыслями о неиспользованных семейных перспективах. И так до бесконечности.

Есть, правда, категория людей, для которых жизнь сводится к одной примитивной потребности, и потребность эта — где достать спиртное на опохмел. Но для социалистического общества, уверенно движущегося к «светлому будущему», это скорее исключение из правила. У Зинаиды Трифоновны Инихиной к пятидесяти трем годам остались две радости в жизни: сплетни и выпивка. И если для удовлетворения первой потребности ей нужно было лишь присесть на скамейку перед подъездом, где день-деньской точили лясы кумушки-сплетницы, то получить второе нужно было еще постараться.

Нет, Зинаида Трифоновна не валялась под заборами, не копалась в мусорных баках в поисках пустых бутылок, не воровала и не продавала из дома все подчистую. В скромной однушке, доставшейся ей от почивших в бозе родителей, она поддерживала образцовый порядок. Занавески, пусть и из простого ситца, благоухали свежестью и чистотой, на кухонном столе присутствовала затертая, но без единого пятна клеенчатая ска-терть, в мусорном ведре не скапливались лежа-лые отходы. Да и сама Зинаида по внешнему виду

на алкашку никак не тянула. Она и не была алкашкой, а относилась к так называемой категории тихих пьяниц. Что поделаешь, если молоку и компоту Зинаида Трифоновна предпочитала «Агдам» и «Три семерки». Конечно, женщина не отказалась бы и от грузинских вин. «Хванчкара» и «Киндзмараули» и звучало солиднее, и на вкус было куда приятнее, но разница в цене, равная семидесяти копейкам, для зарплаты санитарки психиатрической больницы была слишком кусачая.

А что ей еще оставалось? Отца с матерью Зинаида потеряла еще в девичестве, мужем-детьми не обзавелась, да и на трудовом поприще она не преуспела. Вот так и вышло, что к тому времени, когда у ее одногодок не только дети, но и внуки пошли, Зинаида жила одна-одинешенька. А скромный «Агдам» помогал хоть как-то бороться с тоской серых будней. Но сегодня Зинаида собиралась «гульнуть» по полной. В холщовой сумке, между уворованными половыми тряпками и хозяйственным мылом, весело позвякивали целых три бутылки крымской «Массандры». Впереди Зинаиду ждали два законных выходных, а в кармане завелись дорогие сердцу червонцы, так почему бы не расцветить свой отдых дорогим вином?

Денежки Зинаиде, можно сказать, с неба свалились. Нежданно-негаданно она получила

почти месячный оклад, пять красненьких бумажек номиналом десять рублей с изображением вождя пролетариата. От такого богатства у кого угодно голова кругом пойдет, что уж говорить о скромной санитарке, живущей от получки до получки. Первой мыслью Зинаиды было припрятать денежки «на черный день», но уже спустя час мучительных размышлений она сказала себе, что худшее, что с ней может случиться, это смерть, а, как известно, после смерти человеку уже ничего не нужно. Так зачем тогда откладывать? Почему не воспользоваться удачей и не прокутить все пять бумажек разом?

Отработав смену, в двадцать два ноль-ноль Зинаида поспешила домой. К этому времени, зная, что алкогольные напитки можно приобрести строго до семи вечера, она успела сбегать в ближайший винный магазин и отовариться жидкой продукцией, которая теперь весело позвякивала в сумке. Озаботиться закуской Зинаида не подумала и теперь пыталась вспомнить, есть ли в ее квартире из съестного хоть что-то достойное дорогого портвейна. «Ничего, загляну к Клавке с первого этажа, — беспечно размышляла она. — Выпрошу у нее баночку шпрот или полпалки сухой колбасы. У этой спекулянтки всегда что-то есть на продажу, а у меня, к счастью, есть денежки. Интересно, сколько стоит банка шпрот у этой скупердяйки?»

Обычно от больницы до дома дорога занимала около сорока пяти минут, но сегодня Зинаида не спешила и за временем не следила. Мысли ее перескакивали с одного на другое. То она радовалась удаче, принесшей ей хороший куш, то хмурилась, терзаясь мыслью, что получила денежки не за благое дело, то начинала беспокоиться о том, каково ей будет наутро, если она опорожнит бутылки слишком быстро. За размышлениями Зинаида не заметила, как оказалась у подъезда родной пятиэтажки. Остановившись у скамейки, она окинула взглядом фасад. Рабочий люд в их доме ложился рано, поэтому, несмотря на грядущий выходной, почти все окна оказались темными, тусклым светом мерцали всего три-четыре окна — это любители голубого экрана досматривали последние телепередачи.

Зинаида отыскала окно Клавки-спекулянтки и удовлетворенно крякнула: в кухонном окне светился ночник — это означало, что соседка еще бодрствует. Перехватив сумку в левую руку, Зинаида бодрым шагом прошествовала к подъезду и взялась за дверную ручку. И тут за ее спиной послышался какой-то шорох. Не будучи от природы боязливой, на этот раз Зинаида вдруг испугалась. Виной тому стали нечистая совесть и столь же нечистые червонцы в кармане. По спине пробежал холодок, ноги отяжелели. Зинаида резко обернулась, сердце забилося силь-

нее. Темнота улицы показалась плотнее, чем минуту назад. Шорох повторился, на этот раз чуть громче и ближе. Женщина моргнула, пытаясь разглядеть в тусклом свете фонаря знакомый с детства двор.

— Кто там? — спросила она дрожащим голосом, стараясь, чтобы тот звучал увереннее, чем чувствовала себя его обладательница.

Из-за угла дома показался мужской силуэт. Вглядевшись, Зинаида признала в нем соседа, Семена Ивановича. Мужчина был старше Зинаиды лет на двадцать, с морщинистым лицом и в застиранной униформе (напоминание о многолетнем труде на железной дороге). Он шагнул навстречу, слегка согнувшись, но почти сразу распрямился и улыбнулся широкой улыбкой.

— Здорово живешь, Зинаида, — сказал он, откашлявшись. — А я вот на прогулку вышел. Смотрю, ты идешь. Дай, думаю, узнаю, не нужна ли помощь. А ты чего ж, испугалась, что ли?

Зинаида облегченно вздохнула. «Вот ведь бармалей, напугал до чертиков, — мысленно обругала она соседа. — И чего дома не сидится? Не иначе, снова меня выслеживал». С некоторых пор сосед начал проявлять к Зинаиде определенный интерес, и ее это озадачивало. Сколько она себя помнила, сосед всегда жил один, к спиртному и к тем, кто его потребляет, относился категорически отрицательно да и в целом женский

пол не жаловал. А тут вдруг начал оказывать ей всяческие знаки внимания. То сумку подрядится поднести, то скамейку носовым платком протрет, чтобы Зинаида юбку не замарала, то газету из киоска притащит. И пусть Зинаида и не была избалована мужским вниманием, но повышенный интерес соседа ей вовсе не льстил. А как могло быть иначе, если старику уже за семьдесят? Как говорится, песок из одного места сыплется, зубы через один сгнили, и в носу целый огород растет, а он туда же!

— И вам не хворать, Семен Иванович, — вслух произнесла Зинаида. — Все в порядке, помощь не требуется. А насчет испуга вы правы, что-то последнее время нервы шалют. Мерещится всякое.

Мужчина с ласковым видом кивнул и наклонился к ней.

— Если что, стучи в мою дверь, для тебя она всегда открыта, — чуть более флиртливо, чем следовало бы, проговорил он.

— Не думаю, что мне это пригодится, — ответила Зинаида и поспешила распрощаться с соседом. — Ну, пойду я. Надо еще к Клавке успеть, а то спать завалится — и прощай мои планы.

— Планы? Не иначе, гостей ждешь? — чуть ревниво поинтересовался сосед.

— Да какие гости в ночь-полночь? — Зинаида принужденно рассмеялась. — Себя родимую хочу деликатесами побаловать, вот и все гости.

— На деликатесы и я бы не прочь заглянуть, — возобновил попытки подбить клинья к Зинаиде сосед.

— Как-нибудь в другой раз, — отмахнулась та. — Иди, Семен Иванович, поздно уже.

Семен Иванович вздохнул, но послушался. Зинаида проводила его взглядом, дождалась, когда мужчина скроется в соседнем подъезде, еще раз взглянула на светящееся окно и бодрым шагом направилась к Клавке. На душе стало чуть теплее, в этот вечер одиночество казалось менее холодным, а внимание мужчины, пусть и древнего, как саксаул, все же почему-то польстило. В подъезд женщина входила почти счастливой.

Войдя в подъездный тамбур, Зинаида слегка удивилась — свет в тамбуре не горел, и это было странно, так как в их доме выкручиванием лампочек обычно не баловались, а она сама видела, как работник ЖЭКа всего два дня назад менял лампочки во всем подъезде. Зинаида сделала два шага вперед и отпустила входную дверь. Ее тут же обволокла крошечная тьма. Чертыхаясь, она ощупью пробиралась к лестничному пролету, когда ощутила, как на ее шею легло что-то мягкое.

— Мама, — еле слышно прошептала женщина и начала оседать на пол. Соприкоснувшись с половой плиткой, бутылки в холщовой сумке весело звякнули, но этого Зинаида уже не услышала. Тугая удавка затянулась на ее шее,

сознание помутилось, и она выпустила сумку из рук. Последний проблеск сознания подсказал, что нужно кричать, звать на помощь, но было слишком поздно. «Вот она, кара за мои прошлые грехи, — обреченно подумала Зинаида. — Значит, вот как выглядит возмездие». Глаза ее закрылись, она испустила последний вздох и обмякла. Спустя полминуты подъездная дверь тихонько отворилась, в дверной проем просочилась тень, после чего все стихло.

* * *

Опергруппа приехала, можно сказать, по горячим следам, и тридцати минут не прошло после поступления звонка в дежурную часть. На месте их ждал сосед потерпевшей, это он вызвал милицию, и с его слов выходило, что убийство произошло буквально через десять минут после того, как он расстался с жертвой. Следователь Семенов, возглавлявший опергруппу, мысленно потирал руки. Еще бы, такое везение! Нечасто работникам уголовного розыска удастся попасть на «мокруху», когда еще след преступника в прямом смысле не остыл.

Сосед, Семен Иванович Гордеичев, несмотря на испытанное потрясение, держал себя достойно: на вопросы следователя отвечал четко и по существу, в показаниях не путался и время не тянул. Потерпевшую признал как Инихину

Зинаиду Трифоновну, проживающую на третьем этаже в подъезде, в котором ее и нашли. Возраст Гордеичев определил «на глазок», отмерив жертве «полтинник с гаком». Семен Иванович признался, что поджидал возвращения соседки, так как «имел на нее виды». Не матримониальные, боже упаси, а вполне бытовые.

Однажды, поднося сумку соседке, Семен Иванович оказался у нее в квартире и был несказанно удивлен чистотой и уютом, царящим в скромном жилище. Почему удивлен? Да потому что всем известно, что Зинаида «закладывает за воротник» не хуже иного мужика. А какой порядок может быть у пьяницы? По личному убеждению Семена Ивановича — никакого. Сплошная пыль, грязная посуда и мерзкий запах. Но в квартире Зинаиды пахло вполне приятно, что поразило старика до глубины души. Уйдя от соседки, Семен Иванович задумался: как же так получается, что он, благородный, непьющий и некурящий мужик, зарастает пылью, а какая-то пьянчужка содержит квартиру в образцовом порядке?

Поразмышляв на досуге о несправедливости бытия, он решил подкатить к Зинаиде с деловым предложением: нанять ее в домработницы по сходной цене. А почему бы и нет? Зинаида в дурдоме полемойкой за гроши корячится, судна из-под кретинов выносит, так почему бы не подзаработать лишнюю копейчку, обслуживая

вполне дееспособного мужчину? И потом, скалымленный рублик всегда можно пропить в свое удовольствие. Но Зинаида оказалась не так проста, как виделось Гордеичеву. За три недели он так и не сумел подступиться со своим предложением. Как только он оказывался рядом с Зинаидой, язык нес всякую околесицу, напроочь отказываясь выдавать нужную информацию.

В этот вечер произошло то же самое. Он выследил Зинаиду, предложил поднести сумку, надеясь вновь оказаться в ее квартире, похвалить хозяйку за чистоту и уют, а там уж намекнуть, что и его квартире уборка не помешает. Но Зинаида, увидев соседа, отчего-то испугалась, даже руку к груди прижала, будто он бандюга какой-то. На такой ноте Семену Ивановичу деловое предложение делать не хотелось, и он предпочел ретироваться. Но, вернувшись домой, он вдруг передумал. Была не была! Пойдет сейчас прямиком к Зинаиде и скажет все без обиняков. Он обул растоптанные калоши и вновь вышел во двор. Оказавшись у подъездной двери, он дернул ручку на себя — и тут же увидел тело. Зинаида лежала на боку, правая рука неестественно вывернута. Первая мысль, пришедшая на ум Гордеичеву, — с Зинаидой случился удар, но, увидев на ее шее веревку, старик отшатнулся, захлопнул дверь и помчался к освещенному окну соседки с первого этажа. У соседки, Клавки, как он знал,

был установлен телефон, и с его помощью Семен Иванович надеялся вызвать милицию.

Следователю Гордеичев сообщил, что при себе у жертвы была тканевая сумка в темно-синюю клетку — судя по тому, как та оттягивала руку покойницы, довольно тяжелая. Еще, по словам того же Гордеичева, Зинаида всегда носила с собой кошелек с металлической застежкой. Ни кошелек, ни ключей от квартиры, ни тканевой сумки рядом с жертвой оперативники не обнаружили, из чего сделали вывод: они имеют дело с банальным ограблением.

Семенов развил бурную деятельность: воспользовавшись стационарным телефоном жилишки с первого этажа Клавдии, он вызвал подкрепление в виде четырех патрульных бригад. Уже через двадцать минут после вызова те разъехались по району в поисках преступника. Примет, естественно, у них не было, зато было описание вещей жертвы. Их-то и должны были искать патрульные, останавливая всех, кого встретят на улице в поздний час, как бы добропорядочно те ни выглядели. По мнению следователя, преступник не мог далеко уйти и уж тем более не мог успеть сбыть краденое.

В ожидании результатов облавы оперативники осмотрели подъезд и жилье потерпевшей, но не нашли ничего, что бы указывало на иную причину нападения. Следуя протоколу, они

опросили соседей, выяснили, что родственников у жертвы нет и сообщать о случившейся трагедии некому. В два часа ночи приехала «Скорая» и забрала тело в морг. Почти в то же время вернулись патрульные машины и огорошили следователя заявлением, что им не удалось задержать ни одного подозреваемого. Семенов просто дара речи лишился! Как так? Ведь прошло всего каких-то сорок-пятьдесят минут! Увы, развели руками патрульные, в такой поздний час в этом районе улицы практически пусты. Разочарованный, следователь с места преступления уехал.

Помурыжив дело еще пару недель, следователь Семенов засунул папку в дальний ящик стола и забыл о нем как о неперспективном. Благо родственники не обивали порог его кабинета, требуя отмщения за смерть близкого, а вышестоящее начальство закрыло глаза на смерть пьяницы. Угрызения совести Семенова не мучили, потому что он считал, что сделал все от него зависящее, чтобы найти виновного в преступлении. К тому же его уже ждали другие дела, более многообещающие в плане раскрытия. А спустя месяц, когда Семенов и думать забыл об ограблении в подъезде, ему вдруг улыбнулась удача: в соседнем районе поймали двух грабителей, которые напали на старушку, едва та вошла в родной подъезд. Знакомый следователь тут же позвонил Семенову, и тот, воодушевленный, помчался в соседний ОВД.

Следователь Исламбаев встретил его на крыльце. Докурив папиросу, он аккуратно погасил бычок о бетонную урну и протянул руку:

— Здорово, Егор, — Исламбаев энергично потряс руку Семенова.

— Чем порадуешь, коллега? — отвечая на рукопожатие, проговорил Семенов.

— Да уж порадую, не сомневайся, — хитро улыбаясь, ответил Исламбаев. — Пойдем в кабинет, нечего у порога ноги мять.

Войдя в вестибюль, Исламбаев кивнул в сторону Семенова и бросил дежурному:

— Это ко мне.

Они прошли через «вертушку», по узкому коридору добрались до лестницы, ведущей в подвал, где располагались комнаты для допросов.

— Ты что же, решил прямо с корабля на бал меня препроводить? — Семенов бросил недоуменный взгляд на коллегу. — Может, для начала расскажешь, что за фрукты вам попались?

— Да чего там рассказывать? — легкомысленно ответил Исламбаев. — Поймали двух грабителей, вот все, что тебе нужно знать. Сейчас допросим с пристрастием, и дело в шляпе.

— Нет, друг ситный, так дело не пойдет. Давай-ка притормозим, и ты доложишь обстановку, — возразил Семенов. — В противном случае допрашивай их сам, а я посмотрю, каков будет результат.

— Ладно, ладно, не лезь в бутылку, — пошел на попятный Исламбаев. — Пошли в свободную допросную, там я тебе все и доложу.

История оказалась до банального простой, но на случай с ограблением Зинаиды Инихиной похожа лишь условно. Радовало то, что новая жертва грабителей не пострадала. Накануне вечером в дежурную часть поступил звонок: звонила женщина и взволнованным голосом сообщила, что в их дворе задержали грабителя. Просьба, мол, как можно быстрее выслать наряд милиции на улицу Первомайскую, в дом номер шестьдесят три. Бригада выехала, а прибыв, увидела такую картину: у подъезда лицом в землю лежит мужчина, а на нем сидит женщина преклонных лет и необъятных размеров. При виде опергруппы женщина подскочила и заголосила: «Вот он, вот он, преступник окаянный!» Ничего не понимая, оперативники защелкнули на запястьях задержанного наручники и подступили к женщине с вопросами, а та поведала им удивительную историю.

Вечером женщина возвращалась домой после трудового дня. Трудилась она укладчицей шпал и к концу рабочего дня так уставала, что еле ноги волочила. Всю дорогу укладчица мечтала лишь об одном — как придет, плюхнется на диван и вытянет наконец натруженные ноги. И вот, когда до осуществления заветной мечты

оставалось всего ничего, когда ее рука уже легла на ручку подъездной двери, из-за угла вывернули двое. Они подскочили к женщине и потребовали отдать сумку и кошелек. Вместо того чтобы до смерти испугаться и сделать то, что требовали грабители, женщина резко развернулась и метнула в одного из грабителей увесистую сумку.

Такой реакции жертвы нападения не ожидала даже сама жертва. Грабитель увернулся от сумки, но споткнулся о крыльцо и растянулся на тротуаре. И в этот момент у жертвы помутилось сознание. Медленно оседая на землю, женщина пыталась ухватиться за что-то устойчивое, но ничего под руку не попало, и тогда она всей тушей, весом в сто десять кило, рухнула на лежащего на тротуаре грабителя. Второй грабитель попытался было освободить приятеля из-под гнета необъятного тела жертвы, но в этот момент из подъезда выскочила московская сторожевая, а следом за ней ее хозяин, и грабитель предпочел скрыться, чего второму грабителю не светило.

— Того, что оказался под дородной дамой, мы допросили еще вчера, — закончил рассказ Исламбаев. — Под напором улик и свидетельских показаний жильцов дома он мигом покаялся и в два счета сдал дружка. Опергруппа выехала по адресу, но, разумеется, беглец там не появлялся. Мои ребята ловили его до полудня, и вот он здесь. Ну, теперь ты пойдешь его допрашивать?

— А с чего ты решил, что твои грабители имеют отношение к убийству в моем районе? — Семенов в недоумении смотрел на коллегу.

— Да как же? Напали на женщину, когда та входила в подъезд, — теперь уже недоумевал следователь Исламбаев. — А то, что ограбление пошло не по плану, так кто мог такое ожидать? Кстати, у первого в кармане нашли кусок бельевой веревки. Наверняка он собирался набросить его на шею жертвы. Вот тебе и еще одно совпадение.

— Он признался, что собирался воспользоваться веревкой как удавкой? — спросил Семенов.

— Брось, кто же в таком признается? — Исламбаев махнул рукой. — Это не важно. Главное, что они в наших руках и ничто не мешает тебе выбить из них признание.

Рассказ следователя Исламбаева поубавил радости у Семенова. Уж больно комичная история, чтобы поверить в то, что задержанные парни окажутся причастными к хладнокровному убийству, которое он расследовал. Но чем черт не шутит?

— Ладно, показывай, куда мне идти, — смирившись с судьбой, согласился Семенов.

Следователь Исламбаев провел его дальше по коридору.

— В этой твой сидит, — сообщил он, указав на дверь допросной. — Мой — в комнате напротив. Ну, удачи тебе, Семенов.

Исламбаев скрылся за противоположной дверью. Семенов еще минуту постоял в коридоре, затем качнул головой, словно отгоняя непрошенные мысли, и вошел в допросную. Увидев подозреваемого, он едва сдержался, чтобы не выдать своего разочарования. Перед ним на жестком стуле, ссутулившись и размазывая по щекам слезы, сидел шуплый парнишка лет четырнадцати. Его душили рыдания, да и весь вид преступника никак не тянул на убийцу.

— Ты, что ли, женщину обидел? — присаживаясь напротив парнишки, заговорил Семенов.

Парнишка даже глаз не поднял, лишь носом шмыгнул и утер лицо рукавом рубашки.

— Вижу, сотрудничать ты не желаешь, — утвердительно произнес Семенов. — Что ж, пойдем официальным путем. Я следователь Семенов, а ты у нас кто? Отвечай, когда тебя спрашивают! — повысил голос Семенов.

— Брызгунов Артем, — вздрогнув, выдавил из себя парнишка.

— Так-то лучше, — снизил тон следователь. — Отчество у тебя есть, Брызгунов Артем?

— Иванович, — по лицу парнишки пробежала кривая улыбка.

— Что, не нравится отчество? Хотел бы, чтобы отца как-то поэкзотичнее звали: Иннокентий там или Леопольд? — пошутил Семенов.